



политика

С.Г. Алленов

О КНИГЕ А.А. ГАЛКИНА «ГЕРМАНСКИЙ ФАШИЗМ» И ЕЕ ЭПОХЕ

Ключевые слова: Александр Абрамович Галкин, фашизм, национал-социализм, советская историография

Один из ярких этапов исключительно многогранной и богатой успехами творческой деятельности Александра Абрамовича Галкина связан с исследованием национал-социализма. Его монография «Германский фашизм», вышедшая в свет в 1967 г., сразу же заняла центральное место в советской историографии проблемы, научная актуальность которой была неотделима от еще кровоточившей народной памяти о прошедшей войне. Эта книга, вобравшая в себя долгий опыт отечественных исследований фашизма и ставшая на десятилетия вперед их эталоном, и сегодня остается во многом непревзойденным образцом марксистского анализа одного из самых сложных и страшных явлений новейшей эпохи. Более того, в ней, как и в других своих работах на данную тему, Александр Абрамович не только продемонстрировал достоинства традиционного для советской историографии подхода, но в ряде моментов расширил его жесткие пределы и вместе с тем, как это теперь хорошо видно, опередил свое время. Поэтому, думается, оценка его труда возможна лишь в контексте развития всей отечественной науки о фашизме. Пусть этот скромный очерк послужит данью уважения ученому, чье имя стало синонимом ее лучших достижений.

Советские авторы, приступившие к изучению фашизма вскоре после его зарождения в Европе, с самого начала рассматривали свои изыскания не только как профессиональную задачу, но и как нравственный и политический долг¹. Их деятельность была тесно связана с решением прикладных задач: разработкой сначала тактики европейских компартий, а затем и внешнеполитической пропаганды советского государства. Быстро возобладавший в отечественном общественном сознании марксистско-ленинский подход придал этим работам теоретическое единообразие, жесткость которого обеспечивалась прямым контролем со стороны идеологических органов ВКП(б) и Коммунистического Интернационала. Уже с середины 1920-х годов основные теоретические и тактические рекомендации Исполкома Коминтерна внедрялись не только в инструкции по организации антифашистской борьбы, но и в научные публикации². Главным фактором, более чем на полвека определившим их характер, стала выработанная в 1933 г. на XIII Пленуме ИККИ оценка фашизма как открытой террористической диктатуры

¹ *Обзорно-аналитические очерки советской историографии германского фашизма см. Бланк 1978: 24—32; История фашизма 1978: 531—560; Гинцберг 1985: 171—182; Галактионов, Корнева, Черкасов 1988; Галактионов 1999.*

² *Подробнее см. Галактионов 1979.*

³ XIII Пленум 1934: 589.

⁴ См. VII конгресс 1975: 119—120; Программа 1961: 53.

⁵ Подробнее см. Галактионов 1996.

⁶ См., напр. История дипломатии 1945; Варга 1946; Гольдштейн, Левина 1948; Ротштейн 1948; Файнгар 1958. В первой половине 1960-х годов эту традицию продолжил А.С. Ерусалимский (см. Ерусалимский 1964).

⁷ См. Лецинский 1951; Фомин 1952; Секистов 1958; Размеров 1958 и др.

⁸ О влиянии XX съезда КПСС на развитие исторической науки в СССР см. XX съезд 1991; Зубкова 1993.

«наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала»³. Эта сугубо «классовая» дефиниция, закрепленная в решениях VII Конгресса Коминтерна и документах КПСС⁴, являлась для советских авторов единственно возможной идейно-теоретической основой анализа рассматриваемого феномена. Вряд ли стоит отрицать, что данная формула, направленная на фиксацию ключевой социально-политической функции фашизма, имела для своего времени известное позитивное значение. Однако очевидно и то, что она грешила односторонним подходом к весьма сложному и многогранному явлению. За ее пределами оставались процессы генезиса фашизма и его борьбы за власть, его мировоззренческие и социально-психологические корни, специфика массовой базы и способов организации общества и многое другое.

И все же в послевоенный период своего развития советская историография вступила вооруженной как общими теоретическими представлениями о фашизме, так и опытом их применения к конкретным аспектам его истории⁵. Но, кроме того, она унаследовала от довоенных марксистских трудов политическую ангажированность, а в купе с ней — особую подверженность воздействию тех факторов, которые лежали за рамками собственно исторической науки. Одним из таких факторов стала «холодная война», сопровождавшаяся новым обострением идеологической конфронтации СССР с Западом, важную роль в которой играла и марксистско-ленинская интерпретация фашизма. В новых условиях советские историки по-прежнему делали упор на раскрытие связи между данным феноменом и породившим его капитализмом. Этот жестко заданный ракурс рассмотрения проблемы обусловил преобладание идеологических клише вплоть до стремления изобразить фашизм послушным орудием в руках монополистического капитала. Впрочем, в первое послевоенное десятилетие внимание советской пропаганды, а вместе с ней и историографии, в большей степени направлялось на развенчание «антинародных порядков англо-американского империализма» и присущей ему «лжедемократии». Вероятно, отчасти поэтому проблемы фашизма, включая немецкую его разновидность, затрагивались в то время советскими обществоведами главным образом в общих трудах, освещавших историю Германии и германского империализма, предвоенных международных отношений⁶, а также второй мировой и Великой Отечественной войны⁷.

Активизация исследований в Советском Союзе истории фашизма стала возможна в результате сдвигов, произошедших во внешней и внутренней политике страны после XX съезда КПСС. Либерализация внутривнутриполитической жизни и некоторое смягчение антикапиталистической риторики в связи с потеплением отношений СССР с Западом открыли перед советскими авторами несколько больший простор для критического анализа антидемократических структур Третьего рейха⁸. Оживлению работ на данном направлении способствовало и развитие самой науки, в том числе накопление эмпирического материала благо-

⁹ См. Розанов 1961a, 1961b; Ушаков 1961; Гинцберг, Дробкин 1961; Безыменский 1961; Полторак 1961; Фомин 1963; Бланк 1964; Мельников 1965; Жилин 1965 и др. Подробный перечень изданных в Советском Союзе работ по истории германского фашизма см. Галактионов, Корнева, Черкасов 1988: 75—79.

¹⁰ См. Галкин 1967.

¹¹ См., напр. Ленин 1962: 164—165.

даря расширению доступа к немецким архивам и библиотекам. В начале 1960-х годов вышло в свет сразу несколько монографий, посвященных отдельным аспектам истории национал-социализма⁹. В 1967 г. их число пополнилось книгой «Германский фашизм» — первым в отечественной историографии опытом комплексного и всестороннего историко-социологического анализа этого явления¹⁰. Заострив внимание на трех сюжетах — нацизм и правящие круги Германии, нацизм и народные массы и механизм нацистского господства, — ее автор сумел придать более убедительное звучание некоторым старым тезисам советской историографии и дополнить их собственными неординарными наблюдениями. Тем самым были расширены устоявшиеся представления по таким ключевым вопросам, как происхождение национал-социализма и особенности его идеологии, взаимосвязь его классовой природы и массовой базы, причины прихода нацистов к власти и стабильности установленного ими режима, характер нацистского господства и его принципиальная новизна по сравнению с буржуазно-парламентскими режимами.

В глазах послевоенных советских исследователей научный анализ причин возникновения и природы фашизма был залогом успешной борьбы с попытками его возрождения «реакционными силами Запада». Их убежденность в наличии перманентной фашистской угрозы вытекала из ленинской теории империализма и ленинского же положения о «политической реакции по всей линии» как важнейшей особенности современного капитализма¹¹. Заданные таким образом параметры «классовой» трактовки фашизма как воплощения империалистического «поворота от демократии к политической реакции» еще больше сужались ввиду того, что выработанная Коминтерном дефиниция этого феномена не учитывала ни первоначальной спонтанности, ни последующей массовости фашистских движений. В отсутствие официального определения сущности фашизма до прихода его к власти советские авторы долго не решались давать самостоятельное объяснение этим моментам, как, впрочем, и подробно описывать его раннюю историю в целом. Поэтому одной из важных новаторских черт книги Галкина можно считать уже то, что значительная часть ее была посвящена периоду зарождения национал-социализма и его борьбы за власть в 1919—1933 гг. Естественно, что при этом автор следовал в русле единственно возможной в те годы традиции и тоже направлял свои усилия на доказательство сугубо классовой природы изучаемого явления. В частности, он привлек к исследованию новый фактический материал, призванный подкрепить тезис о «направляющей руке» монополий не только в связи с установлением нацистской диктатуры или выработкой ее внутренней и внешней политики, но и применительно к ранним этапам деятельности НСДАП. Правда, и в этом случае традиционные представления о возвращении нацистской партии немецким монополистическим капиталом и предуготованной ей роли проводника его классового интереса выглядели несколько прямолинейно. В первую очередь они

плохо соотносились с конкретными обстоятельствами возникновения НСДАП и мотивацией ее основателей и рядовых членов, в том числе с антикапиталистическим звучанием их ранних требований.

Преодолеть схематизм ортодоксальной версии происхождения фашизма в той мере, в какой это вообще было возможно, Галкину помогла детальная проработка вопроса о характере массовой базы нацистского движения. В своей книге, ставшей первым и весьма обстоятельным историко-социологическим исследованием роли мелкой буржуазии в развитии национал-социализма, автор в целом придерживался постулатов, сложившихся в марксистско-ленинской литературе еще в довоенный период. Так, исходя из классического положения об опоре фашизма на мелкобуржуазные слои, он тоже оценивал его как двойственное явление, классовая сущность которого находится в известном противоречии с социальным составом его массовой базы¹². Разделяя этот взгляд, ученый уточнял, что связь фашизма как социально-политического феномена со средними слоями, не будучи ни обязательной, ни органической, могла установиться «только в особых условиях... и на сравнительно ограниченное время». Однако и при таком подходе фашизм по-прежнему предстал в виде некоей возникшей вне средних слоев и внешней по отношению к ним силы, которая завоевывала их в интересах крупного капитала путем демагогии и террора¹³.

Более подробный разбор процессов возникновения нацистского движения позволил Галкину уже в следующей монографии принципиально скорректировать их прежнее толкование. В изданной в 1971 г. книге «Социология неонацизма» он указывал, что фашизм зарождался в среде «деклассированных, развращенных и морально опустошенных войной, не нашедших себе места в жизни мелкобуржуазных и люмпен-пролетарских элементов»¹⁴. Это утверждение, вытекавшее из проведенного автором анализа социально-экономического положения и социальной психологии тех социальных сил, которые поставляли нацизму его рекрутов и в настроениях которой он черпал свои идеалы¹⁵, было созвучно результатам параллельно осуществлявшихся в те годы исследований итальянского фашизма¹⁶ и в дальнейшем нашло подтверждение в работах П.Ю.Рахшмира, А.С.Бланка и некоторых других советских историков¹⁷. Сам же Галкин дополнил уточненную им картину зарождения национал-социализма нетривиальным для своего времени выводом, что крупная буржуазия отнюдь не сразу и не в полной мере восприняла фашизм как родственную ей по своим интересам силу и что ее союз с фашизмом оформился не раньше, чем тому удалось заручиться поддержкой широких масс¹⁸.

Важное место в объяснении Галкиным процессов зарождения и складывания массовой базы немецкого фашизма заняла предложенная им трактовка нацистской идеологии. Весомость вклада автора в ее изучение не в последнюю очередь определялась тем, что прежний, казалось бы, богатый опыт марксистско-ленинской критики нацизма оставил ряд лакун, касавшихся его мировоззренческих корней и конкретного

¹² См., напр. Слободский 1929; Бланк 1978: 26; История фашизма 1978: 5, 236; Рахимир 1981: 83.

¹³ См. Галкин 1967: 245, 275.

¹⁴ Галкин 1971: 39.

¹⁵ Там же: 53—63. В новом издании своей книги о германском фашизме Галкин сместил акцент с ответственности монополий за появление данного феномена на роль маргинализованных мелкобуржуазных и люмпенских элементов (см. Галкин 1989: 223—239).

¹⁶ См. Лопухов 1968: 328.

¹⁷ См. Бланк 1978: 139—154; Рахимир 1981: 83—96; Бессонов 1985: 68—76.

¹⁸ Галкин 1971: 39.

содержания идей, а главное — секрета их притягательности для массового сознания. В предвоенный период идеология фашизма рассматривалась в нашей литературе сквозь призму установок Коминтерна, заставлявших искать в ней прежде всего отражение захватнических интересов монополистического финансового капитала. В годы агрессии гитлеровской Германии против СССР основное внимание советской пропаганды оказалось направлено на развенчание экспансионистских планов нацистов, а также их расовой доктрины, особенно тех ее составляющих, которые обосновывали «недочеловеческую» природу славян. После окончания войны, когда в число актуальных задач советских общественных деятелей выдвинулась борьба с западногерманским реваншизмом, их усилия сосредоточились на доказательстве континуитета внешней политики немецкого империализма. Соответственно, в поле их зрения вновь попадали преимущественно те аспекты нацистской идеологии, которые были связаны с его агрессивной внешнеполитической программой.

Став, наряду с Г.Л.Розановым, одним из первых советских авторов, постаравшихся дать цельное представление об идеологии национал-социализма, Галкин сумел в то же время очистить ее анализ от традиционных пропагандистских клише. В частности, это касалось мировоззренческих предтеч нацизма, к которым советская историография причисляла едва ли не все идейные течения Европы конца XIX — начала XX в., объявленные вместе с самим нацизмом злокачественными порождениями всеобщего кризиса капитализма. Тем более примечательно, что именно Галкину, занявшему в этом вопросе более умеренную позицию, принадлежал самый полный на тот момент обзор реакционных течений немецкой и европейской мысли, которыми на самом деле в той или иной мере вдохновлялся нацизм. Вместе с тем историк убедительно опроверг претензии нацистских идеологов на роль наследников действительно выдающихся достижений немецкой культуры¹⁹. Так, в его книге, вероятно, впервые в советской литературе довольно сдержанно оценивался вклад Ф.Ницше в идейный арсенал нацизма²⁰. Стоит заметить, что на протяжении еще долгого времени коллеги Галкина, признавшие вслед за ним «сложность и противоречивость феномена Ницше», не всегда удерживались от того, чтобы видеть в наследии философа лишь «апологию насилия, войны и бесчеловечности» или даже явно чуждый ему «узкий национализм»²¹.

Вышедший из-под пера Галкина очерк идейной предыстории нацизма стал в своем роде парадигматическим для всей последующей советской историографии проблемы²². В равной степени это относится и к разбору им самой нацистской идеологии, включившему в себя ряд моментов, которые ранее либо выпадали из поля зрения историков-марксистов, либо затрагивались ими вскользь и получали упрощенную трактовку. Прежде всего речь идет о таких важнейших компонентах идеологии германского фашизма, как расизм и социализм. Бесспорной заслугой Галкина было уже то, что он четко указал на антисемитское

¹⁹ См. Галкин 1967: 302—324.

²⁰ Там же: 302, 308.

²¹ См., напр. Одуев 1976; Мельников, Черная 1981: 75—76.

²² Картина идейной предыстории нацизма впоследствии была дополнена Галкиным и Рахимиром в их монографии о консерватизме, специальный раздел которой был посвящен мировоззренческой преемственности некоторых течений немецкой консервативной мысли и национал-социализма (см. Галкин, Рахимир 1987).

содержание нацистской расовой доктрины, которое не всегда в полной мере улавливалось советскими критиками, более склонными подчеркивать ее антиславянскую направленность. Его работа, напомнившая о центральном месте антисемитизма в идейном багаже нацистов, явилась в то же время образцом марксистского анализа социальных функций нацистского расизма²³. Но главное — он не побоялся затронуть один из наиболее сложных и щекотливых для марксистской историографии моментов, а именно определить место социализма в иерархии нацистских ценностей. И хотя в духе давней традиции исследователь утверждал, что этот социализм не имел ничего общего с какой-либо формой социализма в «общепринятом смысле слова», он рискнул пойти дальше привычных ссылок на попытки нацистов использовать социалистическую фразу для отвлечения рабочих от революционной борьбы. С его точки зрения, основным содержанием нацистского социализма была не антикапиталистическая демагогия, но апология «государственно-монополистических отношений в их специфически германской бюрократической форме», одобренная набором требований пришедших в движение средних слоев²⁴. При повторном издании своей книги о германском фашизме автор заострил эту далеко идущую мысль, подчеркнув, что речь идет об этатизме как «высшей форме апологетики всеобъемлющей, тоталитарной роли централизованной власти». Из этатистских представлений фашистов об «органическом» устройстве общества он вывел и такие принципы их доктрины, как фюрерство и корпоративизм²⁵.

Рассмотренные в книге Галкина истоки и компоненты идеологии национал-социализма позднее освещались в трудах других советских историков, отчасти конкретизировавших нарисованную им картину, но вряд ли наполнивших ее принципиально новыми элементами. Вектор последующих исследований этой темы был задан им и в том, что касалось восприятия фашистских идей широкими слоями населения. Стоит заметить, что марксистской критике немецкого и итальянского фашизма с самого начала было нелегко признать и тем более объяснить притягательность его идеологии для миллионов людей, личные стремления которых явно не были связаны с интересами монополий. В течение долгого времени способность фашизма заручаться поддержкой масс сводилась в советской историографии к изощренной демагогии, помогавшей обманом завоевывать народные низы и удерживать их в повиновении у монополистического капитала. Серьезный вклад в изучение методов пропагандистского воздействия национал-социализма на сознание масс внес и Галкин²⁶. Однако он указывал также и на недостаточность подобного подхода, учитывающего, по его мнению, лишь «внешнюю сторону дела»²⁷. Поэтому свой разбор приемов нацистской пропаганды он сразу же дополнил, с одной стороны, углубленной критикой социального содержания ее идей, а с другой — обзором социально-экономических и социально-психологических процессов, облегчивших усвоение этих идей различными, прежде всего мелкобуржуазными, слоями немецкого общества. Причину заражения этих слоев фашист-

²³ См. Галкин 1967: 331—339.

²⁴ Там же: 345.

²⁵ Галкин 1989: 295, 297—298.

²⁶ См. Галкин 1967: 381—394.

²⁷ Галкин 1971: 53.

ской идеологией исследователь видел в их социальной деградации, вызванной тяготами войны и послевоенной разрухи и обернувшейся стремлением к социальному и национальному реваншу, ростом антиреволюционных и антимонаполистических настроений, разочарованием в парламентской демократии и жадной «сильной руки»²⁸. Эта динамичная картина, написанная яркими и сочными красками, пожалуй, впервые в послевоенной советской историографии отчетливо отразила те реальные жизненные процессы, которые раньше терялись за абстракциями «классовой» трактовки фашизма и его взаимоотношений с массами.

Обращение к теме «фашизм и немецкий народ» позволило Галкину серьезно расширить и модифицировать бытовавший в советской литературе подход к объяснению причин установления нацистской диктатуры. Его предшественники, рассматривавшие эту проблему через призму официального положения об объективном характере процессов фашизации новейшего капитализма, как правило, не выходили за рамки стандартных представлений, согласно которым фашизм был поставлен у власти немецкими монополиями и Гитлер во главе режима играл роль их послушной марионетки. Проведенный Галкиным анализ процессов деформации социальной структуры Веймарской Германии и их социально-психологических последствий, а также динамики укорененных в общественном сознании политико-идеологических стереотипов показал, что исход событий в 1933 г. зависел от расстановки общественных сил и в первую очередь от поведения широких масс. Позднее автор резюмировал свои наблюдения в остром для своего времени тезисе о том, что ни поддержка правящего класса, ни благосклонность государственной власти не обеспечили бы прихода фашизма к власти, если бы он в решающий момент не смог повести за собой выбитые из привычной колеи и разочарованные в парламентской демократии мелкобуржуазные массы²⁹.

С накоплением советской историографией опыта исследований национальных разновидностей фашизма расширялись возможности сравнительного анализа, позволявшего, в частности, понять причины побед, одержанных им в Италии и Германии, и поражений, понесенных в других странах. Практически первая и одна из наиболее плодотворных в советской историографии попыток такого рода, предпринятая Галкиным в 1971 г., опиралась как на его собственный опыт изучения национал-социализма, так и на выполненные Б.Р. Лопуховым на исключительно высоком уровне исследования итальянского фашизма³⁰. Позднее эта тема затрагивалась в работах Рахшмира, Г.С. Филатова, Б.Н. Бессонова, а также М.С. Яжборовской, использовавшей стадийно-региональный подход для объяснения причин установления антидемократических режимов в Центральной и Юго-Восточной Европе³¹.

Рассматривая взаимодействие долгосрочных и ситуационных факторов, приведших к победе фашизма в отдельных странах, советские историки постепенно отходили от господствовавшего еще в сталинский период представления о фашистских диктатурах как о признаке

²⁸ См. Галкин 1967: 243—276, 324—349; 1971: 53—64.

²⁹ См. Галкин 1971: 53; 1989: 146, 171.

³⁰ См. Галкин 1971: 35—64.

³¹ См. Рахшмир 1981; Филатов 1984: 29—31; Бессонов 1985: 22, 34; Яжборовская 1981: 82—100.

слабости буржуазии и последнем средстве ее спасения от натиска революционного пролетариата. Вступивший на этот путь раньше других Галкин дал вместе с по-своему удачным определением фашизма как превентивной контрреволюции и такую оценку его господства, которая по своей глубине и емкости далеко превосходила пресловутую формулировку Коминтерна. «Фашизм, — отмечал исследователь, — должен был осуществить то, с чем не могли справиться традиционные буржуазные партии: приспособить старую систему власти к новой экономической и социальной реальности и тем самым создать альтернативу социализму». По сути, фашистские режимы стремились «реализовать при помощи крайних средств программу перехода к государственно-монополистическому капитализму со всеми свойственными ему атрибутами — от всестороннего государственного вмешательства в экономику до тотального манипулирования духовной жизнью народа»³². При этом он первым в послевоенной советской историографии обратил внимание на один из главных ее недостатков — пренебрежение различием между фашизмом и буржуазной демократией³³. Впрочем, его мысль о необходимости более четкого разграничения этих явлений едва ли могла получить тогда широкое признание коллег. В условиях идеологического противоборства с западной «псевдодемократией» подавление фашистскими властями буржуазных свобод казалось в конечном счете меньшим злом, чем антикоммунистические репрессии, затруднявшие борьбу за установление пролетарской демократии как альтернативы не только фашизму, но и самому буржуазному парламентаризму.

В годы господства в советской историографии «классового» подхода к интерпретации фашизма особенно смело звучал сделанный Галкиным уже в первой монографии вывод, что гитлеровский режим хотя и служил монополиям, но «не был и не мог быть игрушкой в руках отдельных монополистов. Если бы он считался только с ними, он не мог бы пользоваться свободой политического и особенно социального маневра и тем самым выполнять свои классовые функции»³⁴. Этот вывод, дополненный положением об ограничении способности всего монополистического капитала влиять на государственные решения, Галкин повторил в своей следующей книге³⁵. Здесь же в подтверждение данного тезиса он указал на серьезное изменение отношений между экономическими и политическими элитами после установления тоталитарной фашистской диктатуры, выразившееся в усилении экономических и социальных прерогатив государственно-бюрократических органов и концентрации политической власти в руках узкой группы правящих лиц³⁶. И хотя вполне в духе «классового» подхода автор продолжал полагать, что передача власти фашистскому режиму была осуществлена монополиями во имя сохранения и укрепления их позиций³⁷, его заключения о наличии у фашистских движений собственных амбиций и относительной самостоятельности фашистских политических элит значительно расширяли рамки ортодоксальных представлений, слывших квинт-эссенцией марксистского понимания фашизма, но на деле серьезно

³² Галкин 1971: 38. Спустя 10 лет Рахимир сходным образом будет трактовать фашистский выбор «верхов» как ответ на глубочайшие социально-экономические и политические сдвиги новейшей эпохи (см. Рахимир 1981: 68).

³³ Галкин 1971: 26.

³⁴ Галкин 1967: 48. Эта мысль подкрепляла высказанный ранее Е.С. Варгой новаторский тезис о резком увеличении самостоятельности буржуазного государства в новейшую эпоху (см. Варга 1964).

³⁵ См. Галкин 1971: 41.

³⁶ Там же: 40. См. также Галкин 1970: 88.

³⁷ См. Галкин 1971: 41.

стеснявших его развитие. Намеченный таким образом отход от жестких идеологизированных клише открыл возможности для более свободной, а значит — и более глубокой прорисовки как общего полотна истории европейского фашизма, так и конкретных его аспектов.

И все же предпринятый Галкиным социально-политический анализ системы нацистского господства еще долгое время оставался одной из немногих попыток отечественных ученых проникнуть в ее внутреннюю структуру. Несмотря на успехи советских историков в изучении фактического материала, навязанная сверху теоретическая схема обусловила живучесть постулата о «невероятно возросшем» подчинении государственного аппарата монополиям в условиях фашистских режимов³⁸. Определенным компромиссом между накопленным эмпирическим знанием об этих режимах и неизменными параметрами их теоретического осмысления стал предложенный Галкиным в начале 1970-х годов конструкт «бюрократической фракции» монополистического капитала. К этой фракции он отнес наиболее тесно связанную с государственным аппаратом и государственной промышленностью часть элит, которая, по его мнению, и выступала в качестве опоры фашизма в ходе развития государственно-монополистических отношений³⁹.

Растущее осознание относительной независимости современного государства от воли экономических элит побуждало Галкина и некоторых его коллег все сильнее подчеркивать активную роль государственной бюрократии в политической системе фашистских режимов. Так, в середине 1970-х годов из уст К.И. Зародова прозвучало принципиально важное положение об усилении в новейшую эпоху ультрареакционных тенденций, носителями которых выступают «различные звенья аппарата самой государственной машины современного капитализма». Фиксируя стремление гражданской бюрократии к реакционному самовластию, шеф-редактор журнала «Проблемы мира и социализма» допускал возможность превращения этой силы в инспиратора процесса фашизации⁴⁰. В начале 1980-х годов солидаризовавшийся с этим мнением Рахшимир развил его в практически единственном в советской историографии комплексном исследовании происхождения европейского фашизма⁴¹. Еще одним шагом в этом направлении стал высказанный Галкиным в соавторстве с Ф.М. Бурлацким взгляд на «военно-бюрократическую машину» нацистского государства как на орудие «тоталитарного господства» над обществом⁴².

Внутриполитическая стабильность, которую демонстрировал германский фашизм на протяжении всего своего существования, ставила советских исследователей перед необходимостью не только пересмотра прежних однолинейных взглядов на природу данного феномена, но и детального анализа его общественных и политических структур. Монография Галкина, рассматривавшая гитлеровский режим как особую форму организации общества путем максимального контроля над всеми проявлениями жизни граждан, наметила подступ к решению и этой задачи. Разгадке живучести нацистской диктатуры был посвящен за-

³⁸ См., напр. Фомин 1978: 15; История фашизма 1978: 29—30; Филатов 1984: 32—33; Семиряга 1991: 4. Настоячивое повторение данного тезиса советскими историками вряд ли покажется удивительным, если учесть, что он был закреплён в действовавшей Программе КПСС (см. Программа 1961: 55).

³⁹ Галкин 1971: 68.

⁴⁰ Современный фашизм 1975: 15.

⁴¹ См. Рахшимир 1981: 167—169.

⁴² См. Бурлацкий, Галкин 1985. В этой работе авторы конкретизировали высказанные ими ранее представления об относительной свободе действий бюрократии современных буржуазных государств (см. Бурлацкий, Галкин 1974: 135, 151, 156).

⁴³ См. Галкин 1967: 350—394.

⁴⁴ Так, популярная книга Д.Е. Мельникова и Л.Б. Черной об СС, во многом опирающаяся на западные исследования нацистского аппарата террора и в то же время содержащая их жесткую критику, далеко не исчерпывала эту тему (см. Мельников, Черная 1988).

По сути, единственной попыткой детального анализа социальной политики нацизма, ограниченной рамками аграрных отношений, стала монография А.А. Аникеева (см. Аникеев 1979).

ключительный раздел его исследования, где подробно освещались важнейшие звенья ее механизма — аппарат террора, аппарат организационного воздействия на массы и аппарат пропагандистской обработки населения⁴³. К сожалению, эти сюжеты (как и ряд других аспектов, затронутых в труде Галкина) по большей части так и не стали предметом более развернутого анализа в последующей советской историографии⁴⁴.

Говоря о развитии советских исследований фашизма в целом, приходится констатировать, что оно шло преимущественно вширь, когда количественные сдвиги (рост источниковой базы и исследовательской проблематики) слабо стимулировали появление качественно новых выводов и практически не выливались в дискуссии. Заранее установленные сверху идеологизированные схемы, обрекавшие работы историков на концептуальное единообразие и сужавшие диапазон их подходов, продолжали господствовать в советской литературе о фашизме вплоть до конца 1980-х годов. Но если рамки этих схем постепенно утрачивали первоначальную узость, освобождая все больше пространства для исследовательского поиска и разнообразия взглядов, то в этом огромная заслуга Александра Абрамовича.

* * *

Уже первая книга корифея отечественной историографии фашизма, как и его последующие труды на ту же тему, оставляет впечатление, что ее автору было тесно в рамках не только официально предписанных идейно-теоретических установок, но и канонов собственно исторического исследования. Оставаясь в целом в их пределах, Галкин включал в канву исторического повествования элементы социологического, политологического и социально-психологического анализа задолго до того, как они (и сам междисциплинарный подход) вошли в широкий обиход российского обществознания. И, как ни парадоксально, именно отступая от складывавшихся десятилетиями стереотипов, автор смог не только по-новому представить динамику взаимоотношений национал-социализма и немецкого общества, но и наполнить свежим и более убедительным содержанием старые представления о роли экономических элит в установлении и осуществлении нацистского господства⁴⁵. Этот новаторский дух вкуче со стремлением к максимальному охвату исторических фактов и их строгой интерпретации позволил Галкину занять лидирующие позиции в советской историографии проблемы, а его трудам — сохранять свою научную ценность на протяжении вот уже нескольких десятилетий. Его книга о германском фашизме работает и сегодня, рассказывая ничуть не реденющей читательской аудитории о том, каким образом явление, поражающее своей бездонной бесчеловечностью, стало возможным в просвещенном XX в. Через эту книгу к секретам своего будущего ремесла приобщаются новые поколения студентов-историков, и уже не первому поколению исследователей она слу-

⁴⁵ Не случайно советские историки, гордившиеся вкладом своей школы в исследование социально-экономической подоплеку нацистского господства, обычно приводили работы Галкина в качестве примера, опровергавшего утверждения западных коллег о догматизме и схематизме «классового» подхода.

жит эталоном профессионального мастерства, сумевшим не затеряться в нынешнем потоке научной и популярной литературы о фашизме.

Для самого Галкина его ранний труд, который мог бы стать блестящим венцом любой научной карьеры, послужил лишь началом большого творческого пути. О плодотворности этого пути свидетельствует уже тот факт, что с окончанием эпохи господства «классового» подхода историку не пришлось радикально пересматривать собственные взгляды. Освобождение его концепции в конце 1980-х годов от обязательных прежде ссылок на соответствующие работы классиков марксизма-ленинизма и решения Коминтерна уже не затрагивало ее сердцевину, зато открывало простор для дальнейшего развития⁴⁶. В последующие годы старейшина российского цеха исследователей фашизма вносил в нее неизбежные коррективы и приходил к выводам, давшим все основания называть его выдающимся представителем новой российской школы, которая «находится в согласии с современными тенденциями в [развитии] теории фашизма на Западе»⁴⁷. Эта оценка, вынесенная авторитетным немецким коллегой, относится прежде всего к предложенной Галкиным и суммирующей опыт его прежних работ сжатой дефиниции фашизма как «правоконсервативного революционаризма», пытающегося «снять реальные противоречия общества, разрушив все то, что воспринимается им как препона к сохранению и возрождению специфически понимаемых извечных основ бытия»⁴⁸. Конечно, место, которое занимает Галкин в современной российской историографии фашизма, определяется не только совпадением его взглядов «как по своей интенции, так и по существу» с позициями ведущих западных специалистов. Несмотря на то что в последние годы эта тема не являлась приоритетной областью его научных интересов, сформулированные им идеи и сегодня остаются, пожалуй, самой глубокой попыткой ее теоретического осмысления в нашей литературе⁴⁹. Более того, в опубликованных Галкиным в 1990—2000-е годы работах обозначены основные задачи нынешних и будущих исследований фашизма российскими историками и политологами. Причем это касается не только прошлых проявлений данного феномена, но и его актуальных разновидностей.

Почти полвека назад во введении к своей книге Галкин писал об угрозе возрождения фашизма, корни которого сохранились в Европе и после окончания второй мировой войны⁵⁰. Когда оказалось, что от этой угрозы не застрахована и наша страна, он одним из первых поставил вопрос о причинах и возможных последствиях утраты ею иммунитета к правому радикализму⁵¹. В середине 1990-х годов в числе факторов, способных привести к фашизации российского общества, исследователь называл слом сложившихся социальных структур и маргинализацию массовых групп населения, углубляющийся экономический и социальный кризис, ослабление государственной власти и дискредитацию ее институтов, распад прежней системы ценностей и нарастание чувства ущемленного национального достоинства. Рассматривая варианты будущего развития России, он оспаривал набиравшую популяр-

⁴⁶ Это наглядно показывает сравнение изданий книги о германском фашизме 1967 и 1989 гг. То, что отказ от идеологизированных клише в принципе не привел к изменению авторской позиции, свидетельствует о том, что они еще раньше успели превратиться в формальную дань установленной свыше традиции.

⁴⁷ Умланд 2003.

⁴⁸ Галкин 1995а: 10.

⁴⁹ См., напр. Галкин 1992: 13—23; 1995а: 6—15; 1995б; 1996: 88—105; 1998; 2006.

⁵⁰ Галкин 1967: 4—5.

⁵¹ См., напр. Галкин 1994: 17—27; Галкин, Красин 1995: 52—58.

ность идею о возможности спасения от праворадикальной опасности через поворот к авторитаризму и предупреждал, что, если правящая элита попытается выйти из кризиса с помощью демонтажа демократических институтов, на этом пути будет трудно остановиться. Такой путь, писал он, «ведет к откровенному авторитаризму и открывает возможность тоталитарного перерождения режима»⁵². В этих словах можно услышать не только обращенный к коллегам призыв к более пристальному изучению соответствующих реалий, но и злободневное предостережение, адресованное российскому обществу и его элитам.

Исследования старого и нового фашизма не могут не быть актуальными для страны, понесшей тяжелые жертвы в борьбе против этого зла и внесшей решающий вклад в победу над ним. Работы, принадлежащие перу Галкина, в России тем более востребованы, что в них сосредоточен и опыт ветерана, познавшего фашизм на войне, и профессионализм ученого, обладающего огромным историческим кругозором, острым взглядом политолога и блестящим даром социологического анализа. Выражая благодарность юбиляру за его великолепные труды, хочется пожелать ему здоровья, бодрости духа и новых творческих успехов.

⁵² Галкин 1995а: 14—15.

Библиография

- VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны: Сборник документов.** 1975. — М.
- XIII Пленум ИККИ: Стенографический отчет.** 1934. — М.
- XX съезд КПСС и его исторические реальности.** 1991. — М.
- Аникеев А.А.** 1979. *Германский фашизм и крестьянство (1933—1945 гг.)*. — Ростов на Дону.
- Безыменский Л.А.** 1961. *Германские генералы с Гитлером и без него*. — М.
- Бессонов Б.Н.** 1985. *Фашизм: идеология, политика*. — М.
- Бланк А.С.** 1964. *Коммунистическая партия Германии в борьбе против фашистской диктатуры*. — М.
- Бланк А.С.** 1978. *Из истории раннего фашизма в Германии: организация, идеология, методы*. — М.
- Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.** 1974. *Социология. Политика. Международные отношения*. — М.
- Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.** 1985. *Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма*. — М.
- Варга Е.С.** 1946. *Исторические корни особенностей германского империализма*. — М.
- Варга Е.С.** 1964. *Очерки по проблемам политэкономии капитализма*. — М.
- Галактионов Ю.В.** 1979. *Идеология германского фашизма в освещении довоенной советской историографии // Вопросы всеобщей истории и историографии*. — Томск.
- Галактионов Ю.В.** 1996. *Германский фашизм в зеркале историографии 20—40-х годов*. — Кемерово.

- Галактионов Ю.В.** 1999. *Германский фашизм как феномен первой половины XX века: Отечественная историография 1945—1990-х годов.* — Кемерово.
- Галактионов Ю.В., Корнева Л.Н., Черкасов Н.С.** 1988. *Марксистская историография германского фашизма.* — Кемерово.
- Галкин А.А.** 1967. *Германский фашизм.* — М.
- Галкин А.А.** 1970. Структура капиталистического общества и фашизм // *Вопросы философии.* № 2.
- Галкин А.А.** 1971. *Социология неофашизма.* — М.
- Галкин А.А.** 1989. *Германский фашизм* (2-е изд.). — М.
- Галкин А.А.** 1992. О фашизме — всерьез // *Свободная мысль.* № 5.
- Галкин А.А.** 1994. Российский фашизм? // *Социологический журнал.* № 2.
- Галкин А.А.** 1995а. О фашизме — его сущности, корнях, признаках и формах проявления // *Полис.* № 2.
- Галкин А.А.** 1995б. *Западня: Рассказ о том, что принес рабочим национал-социализм.* — М.
- Галкин А.А.** 1996. Размышления о фашизме // *Нужен ли Гитлер России?* — М.
- Галкин А.А.** 1998. Размышления о фашизме // *Социальные трансформации в Европе XX века.* — М.
- Галкин А.А.** 2006. Фашизм как болезнь общества // *Polit.ru.* 8.05 (<http://www.polit.ru/lectures/2006/05/08/galkin.html>).
- Галкин А., Красин Ю.** 1995. О правом радикализме в советском обществе // *Обозреватель.* № 12.
- Галкин А.А., Рахшмир П.Ю.** 1987. *Консерватизм в прошлом и настоящем.* — Л.
- Гинцберг Л.И.** 1985. Советские историки об истории фашизма и антифашистской борьбы в Германии // *Новая и новейшая история.* № 2.
- Гинцберг Л.И., Драбкин Я.С.** 1961. *Немецкие антифашисты в борьбе против гитлеровской диктатуры (1933—1945 гг.).* — М.
- Гольдштейн И., Левина Р.** 1948. *Германский империализм.* — М.
- Ерусалимский А.С.** 1964. *Германский империализм: история и современность.* — М.
- Жилин П.А.** 1965. *Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз.* — М.
- Зубкова Е.Ю.** 1993. *Общество и реформы: 1945—1964.* — М.
- История дипломатии.** 1945. Т. 3. — М.
- История фашизма в Западной Европе.** 1978. — М.
- Ленин В.И.** 1962. Империализм и раскол социализма // *Ленин В.И. Полное собрание сочинений.* Т. 30. — М.
- Лещинский Л.М.** 1951. *Банкротство военной идеологии германских империалистов.* — М.
- Лопухов Б.Р.** 1968. *Фашизм и рабочее движение в Италии.* — М.
- Лопухов Б.Р.** 1977. *История фашистского режима в Италии.* — М.

- Мельников** Д.Е. 1965. *Заговор 20 июля 1944 г. в Германии*. — М.
- Мельников** Д., Черная Л. 1981. *Преступник № 1: Нацистский режим и его фюрер*. — М.
- Мельников** Д., Черная Л. 1988. *Империя смерти. Аппарат насилия в нацистской Германии: 1933—1945*. — М.
- Одуев** С.Ф. 1976. *Тропами Заратустры*. — М.
- Полторак** А. 1961. *От Мюнхена до Нюрнберга*. — М.
- Программа Коммунистической партии Советского Союза**. 1961. — М.
- Размеров** В.В. 1958. *Экономическая программа гитлеровской агрессии*. — М.
- Рахшир** П.Ю. 1981. *Происхождение фашизма*. — М.
- Розанов** Г.Л. 1961а. *Германия под властью фашизма (1933—1939 гг.)*. — М.
- Розанов** Г.Л. 1961б. *Последние дни Гитлера*. — М.
- Ротштейн** Ф.А. 1948. *Из истории прусско-германской империи*. — М.—Л.
- Секистов** В.А. 1958. *«Странная война» в Западной Европе и в бассейне Средиземного моря*. — М.
- Семиряга** М.И. 1991. *Тюремная империя нацизма и ее крах*. — М.
- Слободский** С. 1929. *Социальная сущность фашизма*. — М.—Л.
- Современный фашизм: Его обличье и борьба с ним**. 1975. — Прага.
- Умланд** А. 2003. Современные концепции фашизма в России и на Западе // *Неприкосновенный запас*. № 5 (http://magazines.russ.ru/nz/2003/5/umland.html#_ftnref29).
- Ушаков** В.Б. 1961. *Внешняя политика гитлеровской Германии*. — М.
- Файнгар** И.М. 1958. *Очерк развития германского монополистического капитала*. — М.
- Филатов** Г. 1984. *Фашизм, неофашизм и антифашистская борьба в Италии*. — М.
- Фомин** В.Т. 1952. *Империалистическая агрессия против Польши в 1939 г.* — М.
- Фомин** В.Т. 1963. *Агрессия фашистской Германии в Европе. 1933—1939 гг.* — М.
- Фомин** В.Т. 1978. *Фашистская Германия во второй мировой войне: сентябрь 1939 — июнь 1941*. — М.
- Яжборовская** М.С. 1981. Особенности социально-политической структуры и борьба рабочего класса против реакции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в период стабилизации капитализма (1924—1928 гг.) // *Фашизм и антидемократические режимы в Европе: начало 20-х годов — 1945 г.* — М.